Филологические науки
Philological sciences

https://doi.org/10.37816/2073-9567-026-81-178-192
УДК 821.161.2.0
ББК 83.3 (4Укр)
Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. Е.В. Байдалова
г. Москва, Россия

«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ»: ПОЭТИКА РАННИХ РОМАНОВ В.К. ВИННИЧЕНКО («ЧЕСТНОСТЬ С СОБОЙ», «НА ВЕСАХ ЖИЗНИ», «ЗАВЕТЫ ОТЦОВ»)

Аннотация: В статье исследуется поэтика ранних романов Владимира Кирилловича Винниченко (1880–1951) «Честность с собой» (1911), «На весах жизни» (1912), «Заветы отцов» (1914), рассматриваемых как целостный этап становления писателя-романиста. Актуальность работы обусловлена необходимостью восполнить пробел в отечественном литературоведении, где творчество Винниченко до сих пор не становилось предметом фундаментальных исследований, несмотря на его ключевую роль в украинской литературе XX в. С опорой на историко-литературный, сравнительно-типологический и биографический методы в статье анализируются функциональность романного жанра для воплощения философско-этической концепции «честности с собой», типология героев (герои-идеологи, революционеры, герои-невротики, «новая женщина»), а также основные черты художественного своеобразия этих произведений. Особое внимание уделяется новаторскому психологизму Винниченко, синтезирующему традиции русской, европейской и украинской прозы с открытиями современного ему психоанализа. В ходе исследования выявляются ключевые приемы: диалоги-поединки, использование несобственно-прямой речи, психологизация, театрализация, открытые финалы. Делается вывод, что первые романы, при всей их дискуссионности и «неровности», заложили фундамент экспериментального метода Винниченко, сформировали его индивидуальный стиль и подготовили появление вершинных произведений писателя второй половины 1910 гг., таких как романы «Хочу!» (1915) и «Записки курносого Мефистофеля» (1917).

Ключевые слова: Владимир Винниченко, украинская литература, ранние романы, поэтика, психологизм, герой-идеолог, «честность с собой», «новая женщина», художественный эксперимент

Ключевые слова: Владимир Винниченко, украинская литература, ранние романы, поэтика, психологизм, герой-идеолог, «честность с собой», «новая женщина», художественный эксперимент.

Информация об авторе: Екатерина Викторовна Байдалова — научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6263-8358
E-mail: e.baydalova@inslav.ru
Дата поступления статьи: 02.04.2026
Дата одобрения рецензентами: 12.05.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Байдалова Е.В.* «Экспериментальная лаборатория»: Поэтика ранних романов В.К. Винниченко («Честность с собой», «На весах жизни», «Заветы отцов») // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 178–192. https://doi.org/10.37816/2073-9567-026-81-178-192

Владимир Кириллович Винниченко (1880–1951) по праву считается одним из самых значимых представителей украинской литературы первой половины XX в. Писатель, политик и философ, он на протяжении всей своей жизни оставался последовательным, а порой и эпатажным в своих убеждениях, а его творческая деятельность всегда была «неотделима от политической» [1, с. 89], что нередко приводило к неоднозначному восприятию его личности как в среде современников, так и в глазах последующих поколений. Его литературное наследие насчитывает 14 романов, 23 пьесы, более сотни рассказов и новелл, а также множество публицистических статей, мемуары и этико-философский трактат. Произведения Винниченко были переведены на десятки языков, а его пьесы с неизменным успехом шли на сценах ведущих европейских театров. Вместе с тем судьба его наследия в XX в. сложилась драматично: после открытого письма в адрес ЦК КП(б)У о национальной политике в 1933 г. писатель был объявлен врагом советской власти, что повлекло за собой полный запрет на издание его книг, а уже напечатанные были изъяты из библиотек[1].

Появление Винниченко в литературе в начале XX в. пришлось на момент, когда украинская культура остро нуждалась в обновлении художественного языка и преодолении устоявшихся канонов. Именно тогда развернулась дискуссия о путях национальной словесности, необходимости выйти за пределы этнографически-бытового реализма и включиться в общеевропейский контекст. С первого же своего рассказа «Краса и сила», вышедшего в 1902 г., и последовавших за ним других произведений, Винниченко заявил о себе как о художнике, решительно порывающем с привычными литературными схемами, характерными для украинской литературы того времени. И.Я. Франко приветствовал в нем «нечто сильное, решительное, мускулистое и полное темперамента»[2] [11, с. 145], а критики вскоре отметили, что его творчество становится катализатором споров между сторонниками народнической традиции и приверженцами нового, модернистского видения. В центре этих дискуссий оказалась предложенная писателем теория «честности с собой» (трансформировавшаяся впоследствии в этико-философскую концепцию «конкордизма»[3]), которая в 1910 гг. нашла свое наиболее полное воплощение в романной форме.

В украинском литературоведении на сегодняшний день сложилась обширная исследовательская традиция, охватывающая самые разные стороны творчества Винниченко. В отечественной же науке его наследие до сих пор не становилось объектом системного монографического изучения, что придает данной работе особую актуальность. В фокусе исследования — семантика и поэтика трех первых романов писателя:

[1] Подробнее о жизни и творчестве Винниченко см. [1].
[2] Здесь и далее перевод с украинского автора статьи.
[3] Подробнее об этико-философской концепции Винниченко см. [2].

«Честность с собой» (1911), «На весах жизни» (1912), «Заветы отцов» (1914). Именно в этих произведениях наиболее отчетливо прослеживается переход Винниченко от малой прозы и драматургии к крупной эпической форме, позволившей ему в полной мере развернуть свою философскую программу и проверить ее «живой жизнью» художественного слова.

В период с 1911 по 1917 гг. Винниченко написал семь романов. Это обращение к крупной прозе было не случайным: оно явилось закономерным этапом эволюции автора, искавшего адекватную форму для воплощения своих философско-этических идей. Украинский исследователь творчества Винниченко справедливо назвал «Честность с собой» «протороманом» [8, с. 58] остальных романов писателя 1910 гг., поскольку в нем собраны практически все конфликтные узлы, наметились главные особенности проблемно-тематического содержания и основные черты художественного своеобразия следующих «крупных» текстов автора.

По мысли М.М. Бахтина, роман становится главенствующим жанром в литературе и даже влияет на «романизацию» всех остальных жанров тогда, когда художественная деятельность ориентируется на современность, на настоящее, на время и мир как «непрерывное движение в реальное будущее, как единый, всеохватывающий и незавершенный процесс» [3, с. 473]. Таким образом, роман всегда современен, а в центре него находится герой, стремящийся «восполниться» с миром, оказывающийся в мире своей человечности, решающий онтологические и аксиологические задачи. Переход к роману в творчестве Винниченко, стремившегося к преобразованию действительности, новаторскому подходу к тематике и проблематике в своих произведениях, вполне закономерен.

Критика современниками его ранних романов похожа на критику ранних драматургических опытов Винниченко: «публицистика в лицах, а не художественное произведение» [5, с. 15], «какие-то этические трактаты», где «действующие лица кажутся не правдивыми, жизненными типажами, не людьми, а моральными схемами, публицистическими доказательствами» [9, с. 77]. Вместе с тем, современники писателя отмечали и закономерный переход к жанру романа:

> Винниченко еще раз повторил изложение той самой отвратительной «новой морали», с тем изменением, что в «На ступенях жизни» он дал лишь набросок, а в романе «Честность с собой», как уже свидетельствует сам заголовок, он развернул свой выпад в целостную, выразительную систему. Потому и выбрал форму романа, чтобы не быть так связанным формальной стороной, как в драматическом произведении [4, с. 7].

Современники писателя верно уловили функциональную необходимость выбора именно романной формы для развертывания центральной идеи Винниченко: «честность с собой»[4] требовала не наброска (как в драме), а целостной, развернутой системы аргументации и художественного исследования человеческих характеров, для которой роман с его эпической широтой и аналитическими возможностями явился адекватным и логичным воплощением. Таким образом, обращение к роману в начале 1910 гг. было для Винниченко глубоко закономерным и осознанным художественным выбором, детерминированным как внутренней логикой развития его творчества, так и сущностными свойствами самого жанра, а «Честность с собой» стал не просто первым романом, а необходимой художественной формой для вызревания и апробации новой этики.

[4] «Согласно Винниченко, честным с собой может считаться человек тогда, когда его мысли, чувства и поступки пребывают друг с другом в гармонии. <…> мировоззренческие установки украинского автора строятся в основном на синтезе марксизма, ницшеанских и фрейдистских идей» [2, с. 110].

Роман как экспериментальная лаборатория

Экспериментальность признана одной из характерных черт поэтики Винниченко. О.Г. Шупта-Вязовская отмечает: «Фигура Владимира Винниченко довольно выразительно ассоциируется с художественно-творческим экспериментом как своеобразной сверхзадачей писателя» [12, с. 339]. Принципиально важно, что экспериментальность у Винниченко не сводится к формальному новаторству ради новизны. Она проистекает из самой сути его мировоззрения: писатель рассматривает художественный текст как инструмент познания и вместе с тем как своего рода «реактив», позволяющий выявить скрытые свойства человеческой природы при столкновении с той или иной идеей. Под художественным экспериментом в контексте ранней романистики Винниченко понимается сознательно сконструированная автором ситуация, в которой определенная философско-этическая идея (в данном случае — принцип «честности с собой») подвергается проверке «живой жизнью»: сложным, часто непредсказуемым взаимодействием человеческих характеров, социальных обстоятельств, биологических инстинктов и глубинных психологических импульсов. Для такого эксперимента наилучшим образом подходит, как указывалось выше, жанр романа. Экспериментальность Винниченко не подразумевает готовых выводов. В опытной «пробирке» первых романов писатель проверял жизнеспособность своей этики. Мирон Купченко («Честность с собой»), пытаясь жить по законам «новой морали», сталкивается с трагическими противоречиями, которые никакая теория не могла предусмотреть. Автор не дает готовых ответов, он «лишь» фиксирует результаты опыта, что и делает роман подлинно экспериментальным. Поступки Мирона и других персонажей становятся следствием сложного переплетения сознательных установок и иррациональных импульсов. Так, Мирон проповедует легализацию проституции, но не может допустить, чтобы его собственная сестра оставалась в публичном доме, при разговорах с ней в его глазах появляется «что-то не то тоскливое, не то грустное» [15, с. 60], но вместе с тем и «любопытство» [15, с. 61], когда он, как посторонний, наблюдает за тем, как меняется отношение Маруси к своей «работе». «Новая мораль» предстает не в виде торжествующей доктрины, а в живой сложности, в противоречии между декларируемыми принципами и их непредсказуемым преломлением в реальности. Показательно, что наиболее последовательной носительницей идеи оказывается не сам Мирон, а его возлюбленная Дара, чьи решения и поступки демонстрируют парадоксальную цельность там, где герой-идеолог может колебаться. В стремлении быть честной с собой, она идет до конца, невзирая на устоявшиеся в обществе нормы морали: чтобы проверить подлинность своих чувств к главному герою Дара «снимает» на ночь мужчину в гостинице, поскольку, не имея долгое время физической близости с мужем, боится перепутать любовь и половое влечение.

Экспериментальный метод Винниченко довольно ярко проявился и во втором романе «На весах жизни», где революционер Хома систематически проверяет прочность убеждений окружающих. Наиболее показателен его эксперимент с художником Аркадием: Хома предлагает ему пятьсот франков за картину с условием, что тот публично уничтожит свое творение, над которым работал пять месяцев. Таким способом Хома хочет проверить, действительно ли Аркадий ставит искусство выше материальных благ и революционной идеологии, как тот не раз декларировал. Винниченко моделирует сцену в кафе, где происходит продажа картины, как лабораторное испытание: Хома наблюдает за реакцией «подопытного», фиксируя каждую деталь — от дрожания рук Аркадия до его показного равнодушия. Результат эксперимента оказывается неожидан-

ным для самого экспериментатора: художник, получив деньги и увидев, как его творение выбрасывают в мусор, в ярости бьет Хому, тем самым обнаруживая не столько приверженность искусству, сколько глубинную личностную связь с творчеством, ставшим частью его идентичности. Этот опыт демонстрирует: для Хомы «честность с собой» — не только этическая максима, но и инструмент познания человеческой природы, способ отделить подлинное от наносного, привитого общественными стереотипами.

Б. Пастух в своей работе о ранних романах писателя делает справедливый вывод:

> Модель письма Винниченко становится своеобразным художественным импульсом для углубления психологизма и раскрытия более широкого диапазона проблематики. Так что можно говорить про эксперимент, который "выводит" на особенности стиля, психологизма, тематики и ее художественного обрамления [8, с. 61].

Это замечание ключевое: эксперимент у Винниченко — не только тематическая или идейная категория, но и категория поэтики, поскольку он определяет сам способ отбора и организации художественного материала, нарративную структуру романов.

Типология героев

Мирон Купченко из романа «Честность с собой» открывает галерею «идейных» героев Винниченко, каждый из которых пытается строить свою жизнь в соответствии с определенной теорией. Важно подчеркнуть литературный генезис этого типа. Ю.А. Романов резонно отмечает:

> Будучи одновременно и революционером-практиком, направлявшим свою деятельность на «достижение социалистического идеала», и художником, читавшим Достоевского (которому «открывались противоречия и диссонансы грядущего потрясения основ»), Винниченко создал галерею образов «раскольниковского» типа [10, с. 284].

Действительно, тип героя-идеолога, проверяющего свою теорию жизнью и терпящего крах при столкновении с иррациональной сложностью бытия, восходит именно к творчеству Достоевского. Однако Винниченко существенно трансформирует этот тип, помещая его в контекст начала XX в. с его культом «новой морали», социалистических утопий и внимания к подсознанию. Он смещает акцент с метафизических последствий проверки «идеи» на психофизиологическую природу человека, вводя в повествование натуралистический дискурс: поведение героев и конструирование ими своих идей зачастую обусловлено биологическим началом. Так, например, идея Петра Заболотько из романа «Заветы отцов» о необходимости пересмотра норм «старой» морали и переустройства законов общества (устройства семейной жизни, отношения к проституции) детерминирована как его стремлением примирить «душу» (религиозное отношение к действительности) матери и «желудок» (стремление объяснять любое человеческое поведение физиологическими особенностями) отца, так и непосредственное близкое знакомство как врача с сифилисом и его последствиями не только для здоровья человека, но и для психики. Душевная болезнь (Тарас из романа «Честность с собой»), перенесенные в тюрьме лишения и тяготы (Хома из романа «На весах жизни»), чахотка (Мэри из романа «На весах жизни») – все это может обуславливать создание «идеи» героями романов Винниченко.

Мирон Купченко — образ, не сводимый исключительно к роли идеолога при всей его активной деятельности по пропаганде «новой морали». Помимо стремления к про-

поведи и последовательному воплощению в жизни принципа «честности с собой», этот герой наделен творческим даром. Живопись становится для него не только способом самоутверждения, но и интимным пространством, где он может оказаться уязвимым, но вместе с тем и подлинно человечным, сбросить свою маску всегда насмешливого и отстраненного «сверхчеловека». Это проявляется, например, в сцене, где Тарас хочет посмотреть картину Мирона, а тот в смущении (не характерном для этого героя) оттаскивает полотно в угол, не позволяя никому прикоснуться к этому сокровенному для него. Живопись остается для героя единственной зоной, куда он не допускает никого.

Хома из романа «На весах жизни» представляет собой иной вариант героя-идеолога. В отличие от Мирона, он не провозглашает развернутых теорий, а реализует свою идею в действиях, проверяя окружающих на подлинность чувств и убеждений. За его цинизмом и замкнутостью стоит глубокое разочарование в людях, вызванное личной травмой предательства самых близких людей (друга детства и жены). Стремление проверять всех оказывается не столько жестокостью, сколько попыткой найти человека, способного пройти испытание и заслужить доверие. Наиболее ярко это воплощается в сюжетной линии с Таней, которую герой постоянно ставит в ситуации нравственного выбора (заключает пари с Гломбинским о том, что она за большую сумму денег, в которых девушка нуждается, будет позировать обнаженной; грубо общается с ней и отказывается помогать в революционной работе и т.д). Хома это делает, чтобы отделить подлинное от поверхностного, «быть» от «казаться». Его собственное признание в любви Тане в автомобиле становится кульминационным моментом, когда идея оказывается повержена живым чувством.

Петр Заболотько из «Заветов отцов» — тип героя, создающего свою теорию в процессе развития сюжета. Исходно он разделяет сугубо физиологическое понимание человеческой природы, доставшееся ему в наследство от покойного отца, однако пережитые события заставляют его пересмотреть эти взгляды. Свою идею обновления морали он не просто проповедует, но проходит путь от навязчивого желания убеждать других к внутреннему принятию собственных принципов — тому, что Винниченко называл «честностью с собой». Этот путь отражен в сюжете: Петр сначала пишет из-за границы письма с наставлениями о «чистоте с самим с собой», затем публично выступает с лекцией о легализации проституции, а после провала этой идеи и обвинения в убийстве пациента принимает решение не защищаться, а отправиться в ссылку вместе с Тоней – тем самым он оказывается не над обществом и не вне его, а наравне с «униженными и оскорбленными», что и становится для него полным воплощением его теории.

Таким образом, тип «идейного» героя в ранних романах писателя представляет собой сложное динамичное явление. Каждый герой не сводится исключительно к своей теории, а наделен индивидуальными чертами: творческим даром (Мирон), личной травмой (Хома), способностью к переосмыслению (Петр); вместе с тем от романа к роману главный герой становится многограннее. Петр уже, в отличие от Мирона, изображается автором как человек, чье мировоззрение и поступки могут эволюционировать под давлением жизненных обстоятельств, а теория – трансформироваться в зависимости от пережитого. Мирон, Хома и Петр — три варианта развития типа героя-идеолога, три способа отношения к собственной теории. Всех их объединяет глубокий внутренний конфликт между сознательно выстроенной теорией и неподвластными разуму глубинами собственной психики. Галерея «новых» идейных героев Винниченко предстает не как ряд повторяющихся фигур, а как пространство эксперимента, где каждая следу-

ющая вариация позволяет автору исследовать новые грани противостояния сознательного и бессознательного, декларируемого и истинного. Это противостояние раскрывается через сюжетные коллизии, в которых герои систематически вступают в конфликт с собственными теориями: Мирон не может применить свою доктрину к сестре, Хома, проверяющий других на подлинность, сам оказывается во власти иррационального чувства, а Петр, проповедующий новую мораль, в финале принимает осуждение общества, не пытаясь оправдаться. Тем самым каждый из них в своем поражении или трансформации обнаруживает несостоятельность умозрительных конструкций перед лицом «живой жизни».

Особое место в системе персонажей ранних романов писателя занимают революционеры. В.Е. Панченко верно отметил, что Винниченко был первым автором в украинской литературе, создавшим целую галерею образов революционеров. Но если в его ранних рассказах 1900 гг. революционеры представлены в романтическом или героическом ореоле, то к 1910 гг. под влиянием разочарований после неудавшейся революции 1905 г. и полученного опыта пребывания в среде революционеров оптика существенно меняется:

> В. Винниченко делает досадные для себя открытия, которые заставляют его всерьез задуматься над моральными аспектами революции. <…>. Несоответствие лозунгов и практики, благородных целей и недостойных способов их достижения, взаимосвязь политики и этики — вот главные пункты раздумий и сомнений Винниченко [7, с. 22–23].

В «Честности с собой» революционеры, чье лицемерие и фарисейство разоблачает Мирон, представлены не как бесы, а как мелкие пакостники-бесенята, которые устроенной ими стачкой не помогают — только вредят рабочим:

> Между тем приготовления к забастовке производились как-то беспорядочно, небрежно, нервно. <…> все идет так, словно взяли на себя скучную, ненужную обязанность. Собирались деньги, и никто не знал, у кого касса. Выпускались прокламации, и ни один агитатор не видел их. <…> Беспорядок, неискренность, инертность! Толкуют о возрождении, а сами трупы; гальванизируют себя этими фразами о возрождении[5] [15, с. 123].

В результате: «Завод совсем открыт, начались работы. Уступок, конечно, никаких, наоборот: многих не приняли, плату убавили, заводят строгости. Рабочие — злы» [15, с. 192].

Парадокс заключается в том, что, декларируя борьбу за народ, социалисты на деле действуют против его интересов. В романе «Заветы отцов» Петр, уверенный, что революционеры-то должны проникнуться его идеей «новой морали», не находит у них поддержки:

> Не думал я, что с в а м и [разрядка автора. — *Е.Б.*] у меня будет такой разговор. Кто его знает, может, и правда я не понимаю ни социализма, ни его морали [14, с. 159].

В романе «На весах жизни» изображены революционеры в эмиграции: большинство из них разочарованы, растеряны, утратили прежние идеалы и живут сплетнями и интригами. Таким образом, принцип «честности с собой» оказывается не только

[5] Роман «Честность с собой» цитируется по: [15]. Необходимо отметить, что этот роман первоначально был написан Винниченко на русском языке, однако по авторской воле при его издании указывается, что это авторизованный перевод с украинского.

моральным требованием к личности, но и критерием оценки любой социальной деятельности, в том числе революционной. В первых романах Винниченко выражает важную и для дальнейшего творчества мысль: в среде революционеров не происходит автоматического изменения человека, он не становится более цельным, нравственным, счастливым. А социальное зло, по мысли Винниченко, не может быть уничтожено без изменения самой сущности человека, без его нравственного перерождения — эта мысль является ключевой во всем творчестве писателя и в рассматриваемых произведениях.

Поскольку писатель крайне внимателен к внутреннему миру человека, тем его «слоям», которые не поддаются вербализации и контролю, в его романах закономерно появление особого типа героя: человека с надломленной психикой и аффективным поведением. Образ героя-невротика становится одним из центральных в романах этого периода. Тарас Щербина из романа «Честность с собой», вышедший из тюрьмы психически больным человеком; Вера из этого же романа с ее нервными припадками, закончившая жизнь самоубийством; Шурка из романа «На весах жизни», страдающий от «темной мути» (болезни сексуального характера), навязчивых «сизых снов» и галлюцинаций; Аркадий, изнемогающий от рефлексии, самообмана и «самокопания»; Таня с ее истерическим «буйством»; Ника из «Заветов отцов» с его скрытыми травмами и суицидальными настроениями — все они вписываются в галерею травмированных, надломленных личностей, но в новой, модернистской оптике. Сам способ изображения невротических состояний у Винниченко носит ярко выраженный экспериментальный характер и сближается с открытиями современного ему психоанализа. В романах это проявляется через систему психологических мотивировок, где поступки героев детерминируются не столько социальными обстоятельствами или сознательным выбором, сколько глубинными, иррациональными импульсами или даже попросту физиологическим состоянием, как это происходит с глубоко больным Тарасом: «Разве я человек? Разве я имею убеждения? Раздражите меня кашлем, и я буду с ненавистью спорить с вами против того, что сам считаю верным…» [15, с. 107].

Винниченко не просто описывает болезненные состояния, но исследует их этиологию, показывая, как социальные и онтологические обстоятельства (тюрьма, эмиграция, экзистенциальное одиночество, страх смерти и т. п.) катализируют врожденную психическую лабильность героев. Невротизм становится у него не только тематической, но и структурообразующей категорией, определяющей сюжетные коллизии, систему мотиваций и общую эмоциональную атмосферу произведений.

Концепция «новой женщины»

Одним из наиболее существенных достижений Винниченко-писателя является создание им абсолютно нового для украинской литературы типажа героинь. По верному замечанию исследователя, «Мотря из “Красы и силы” по сути своего поведения начинает в творчестве Винниченко типологический ряд таких женщин как Дара — героиня романа “Честность с собой”, которая на ночь покупает себе мужчину, но несмотря на это является позитивным героем» [8, с. 26]. Именно Дара становится первой героиней, которая в полной мере воплощает черты главных женских образов последующей романистики Винниченко: самостоятельность, независимость, активность, самодостаточность, сильный характер, понимание своих гендерных потребностей и вместе с тем стремление к духовной свободе. Дара отказывается от навязанной обществом традиционной роли женщины: она становится тем персонажем, который «двигает» сюжет

и принимает решение в любовной коллизии. Именно в ее отношениях с Мироном впервые в романистике Винниченко наблюдается трансформация гендерной иерархии: мужчина в любовных отношениях оказывается пассивной стороной, женщина же берет на себя активную роль, традиционно не свойственную ей. Таким образом формируется типаж «новой» женщины в романах писателя.

Обновление женских образов в украинской поэзии и прозе наблюдается в творчестве многих писателей рубежа веков, что в целом характерно для русского и западноевропейского модернизма. Так, Иван Франко в своих произведениях создал образ роковой женщины, загадочной и недоступной, Михаил Коцюбинский изображал экзотическую женщину либо женщину-мечту, существующую больше в воображении героя, однако их героини оставались объектами мужского взгляда. Принципиально иной — субъектный — подход предложили Ольга Кобылянская и Леся Украинка, в чем творчестве появились «новые женщины»: свободные, волевые личности, способные к самостоятельному выбору и действию. В создании таких образов Винниченко можно поставить в один ряд с Кобылянской и Лесей Украинкой.

Наиболее детально разработанный женский образ в первых трех романах Винниченко — Таня из романа «На весах жизни». Ее внутренний мир раскрывается через постоянное колебание между «буйством» (энергичной, почти агрессивной активностью, которая в большой степени в романе направлена на спасение ее жениха, имеющего психическое заболевание) и «благостью» (глубокой, зачастую избыточной рефлексией, сомнениями в собственных силах, внутренней целостности и соответствии высоким идеалам). Таня фиксируется не только на состоянии Шурки, но и на своей неспособности ему помочь, почти постоянно испытывая чувство вины: «…я… ничтожная! Ничтожная, слабая, ни к чему не способная. Вот и все выводы» [13, с. 200]. Таким образом Винниченко демонстрирует неидеальность «новой женщины», то, что она является не только воплощением силы и независимости, но и личностью, которая расплачивается за свою осознанную жизнь, свой выбор сомнениями, глубокими внутренними конфликтами.

Созданные Винниченко типы женских характеров не только обогатили украинскую прозу начала XX в. новыми психологическими моделями, но и во многом предопределили развитие женской образности в литературе последующих десятилетий. Писатель представил женщину не как дополнение к герою-мужчине, а как самостоятельного субъекта действия, носителя сложного идейно-психологического конфликта, чей внутренний мир заслуживает столь же пристального анализа, как мир героя-идеолога. Этот принципиально новый подход открыл путь для дальнейших художественных экспериментов: именно в ранних романах писателя были заложены те художественные принципы изображения женщины, которые в 1920 гг. подхватили и развили представители «Расстрелянного возрождения», соединив винниченковский психологизм с новыми темами и идеологическими вызовами своего времени.

Психологизм в романах Винниченко

В контексте эстетического осмысления человеческого существования в условиях изменившихся социокультурных реалий начала XX в. писатели были вынуждены искать инновационные художественные формы, методы и средства выражения. Винниченко как один из наиболее ярких представителей этого процесса модернизации в украинской литературе активно внедрял новаторские подходы. В многообразии инструментов психологического изображения и выражения можно выделить два основных подхода: вну-

тренний (воспоминания, внутренние монологи, несобственно-прямая речь, сновидения и другие проявления подсознания) и внешний (передача психологической информации через действия, внешность, мимику, жесты и т. д.). В своих романах Винниченко соединяет оба подхода, *о*днако принципиальная особенность его метода заключается не просто в использовании разнообразных приемов по отдельности, а в их системном взаимодействии, подчиненном задаче исследования личности в моменты предельного напряжения. Писатель выстраивает повествование таким образом, что внешние события служат лишь катализатором для запуска глубинных психологических процессов. В этом смысле метод Винниченко можно определить как аналитический психологизм, ориентированный на обнаружение скрытых пружин человеческого поведения.

Ключевым принципом психологического письма Винниченко становится принцип контрастного сопоставления сознательного и бессознательного, декларируемого и истинного. Автор постоянно фиксирует разрыв между тем, что герой говорит о себе, и тем, что обнаруживается в его снах, оговорках, неконтролируемых жестах или неожиданных поступках. Так, в романе «На весах жизни» психологическое состояние Шурки становится понятно не столько посредством его диалогов с Таней, сколько через описание его мучительных «сизых снов», где причудливо переплетаются образы матери, паука, подушки, превращающейся в орудие удушения. Эти сновидения становятся для читателя основным каналом проникновения в подсознание героя, ту «темную муть», которая определяет поведение Шурки помимо его воли.

Художественные приемы в ранних романах Винниченко

Говоря о поэтике первых романов Винниченко, важно подчеркнуть, что новаторство писателя не было разрывом с предшествующей литературной традицией, а, скорее, ее творческим переосмыслением. Винниченко наследует лучшие достижения украинской реалистической прозы XIX в.: глубину психологического анализа, внимание к социальной детерминированности характера, мастерство бытописания. Однако он решительно трансформирует эти традиционные элементы, помещая их в контекст модернистского мироощущения с его интересом к подсознанию, парадоксам человеческого поведения, экспериментальной проверке этических теорий.

Художественная ткань первых романов Винниченко отличается рядом устойчивых черт, сформировавших его индивидуальный стиль. Так, В. Панченко отмечает:

> В романах Винниченко значительно уменьшился (по сравнению с ранней прозой) описательный элемент, возросла роль диалогов и полилогов, особенно — диалогов-поединков, в которых максимально, даже до публицистического «градуса», заостряются моральные, политические, философские позиции героев — участников диспутов [6, с. 123].

Специфика диалогов у Винниченко заключается не только в их идеологической насыщенности, но и в том, что они почти всегда имеют скрытый психологический подтекст. Персонажи говорят об одном, а подразумевают другое, и читатель постоянно ощущает напряжение между произнесенным словом и невысказанным чувством. Так, в романе «На весах жизни» во время разговора Хомы с Гломбинским о Тане внешне беседа носит деловой характер, но каждая реплика выдает гамму чувств: циничное торжество Гломбинского и внешнее спокойствие Хомы, за которым скрывается напряженная внутренняя борьба.

Принцип контраста реализуется Винниченко на разных уровнях поэтики. Например, контраст внешнего и внутреннего в поведении персонажей (внешняя холодность

Сани из «Заветов отцов» и ее сильное чувство и т. п.), контраст внутреннего состояния героя или героев и пейзажа (так, когда Таня идет по Парижу после самоубийства жениха, она видит обычную будничную жизнь города: «Гремели трамваи, завывали и гудели автомобили, между экипажей шныряли вездесущие велосипедисты. Люди шли с озабоченными, равнодушными, веселыми лицами. Бегали дети» [13, с. 260]).

Подход к конструированию финалов романов является одной из существенных черт поэтики Винниченко. Они практически всегда открыты: персонажи, пережив испытания, оказываются на пороге следующего этапа жизни. В подавляющем большинстве романы заканчиваются отъездом: герой, переживший кризис или крушение своей теории, не остается в неподвижности, а отправляется в путь. Этот мотив отъезда получит развитие в последующих романах, закрепляя за финалом функцию не завершения, а перехода к новому (пусть и неизвестному) этапу существования.

Необходимо отметить также принцип театрализации. Многие сцены строятся как драматические действа с четко обозначенными ролями и зрителями внутри текста. Такова сцена «покупки» картины Аркадия в кафе, которая разыгрывается как спектакль: есть режиссер (Хома), актер (Аркадий), массовка (собравшиеся эмигранты) и даже суфлер (Адольф). Эта театральность позволяет Винниченко показать условность происходящего и вместе с тем подчеркнуть, что жизнь социалистов и эмигрантов сама превратилась в театр.

Особого внимания заслуживает использование писем и дневниковых записей как форм психологического самораскрытия персонажей. Показателен эпизод, когда Мирон пишет Даре и тут же уничтожает письма, в которых признается в своих истинных чувствах к ней. Эти неотправленные послания становятся символом внутреннего запрета, которые идеолог «честности с собой» налагает на собственное чувство, боясь утратить контроль над собой и ситуацией. Письма и дневники выполняют в ранних романах Винниченко различные функции: от средства углубленного раскрытия характера (письма Сани и Дуни из «Заветов отцов», Тараса) до инструмента фиксации разрыва между высказанным и невысказанным (письма Мирона, дневник Аркадия).

Еще одним важным инструментом психологического анализа становится у Винниченко несобственно-прямая речь, позволяющая передать внутреннее состояние персонажа без авторского комментария. В романе «На весах жизни» таким образом раскрываются метания Тани после ухода Шурки с другой женщиной:

> Сначала мыслей не было никаких. Какой-то звон, боль, горячие волны чего-то обжигающего; куда-то надо тотчас бежать, кричать и бежать, почему-то не нужно бежать, нужно сесть и прислониться к спинке дивана, крепко, крепко, нужно сесть и что-то собрать, что-то уловить, понять, увидеть. Нет! Она срывалась и опять садилась [13, с. 73].

Художественная деталь в прозе Винниченко

Особую роль в произведениях Винниченко играет художественная деталь, которая служит для выражения душевных переживаний персонажей. Автор, как правило, не описывает состояние героя пространно, а передает его через точно найденный жест, мимику или движение. Так, например, сжатые губы и отстраненное, холодное выражение лица Хомы подчеркивают то постоянное внутреннее напряжение, которое испытывает этот персонаж, а «нервная струйка», пробегающая по лицу Веры свидетельствует о ее постоянной внутренней тревоге, которая впоследствии приведет к самоубийству.

Портрет и пейзаж часто изображаются в прозе Винниченко через призму восприятия героя, становясь инструментом психологического анализа. Так, внешность Петра и Сани описываются через взаимное восприятие при их первой встрече: Петр обращает внимание на мальчишеские движения девушки, ее «смело открытые губы», на которых «с откровенным вызовом играет улыбка» [14, с. 5], она – на его неуклюжесть и высокий рост, и при этом они производят сильное впечатление друг на друга (Петр уходя замечает, что Саня смотрит ему вслед «внимательно, серьезно, будто чем-то пораженная» [14, с. 6]). Эти два героя, в первую очередь, обращают внимание и во внешности, и в поведении друг друга на то, что им самим не характерно, то, что им отчасти не хватает. Портрет в романах Винниченко утрачивает характерную для украинской реалистической литературы конца XIX – начала XX века статичную описательную функцию и становится динамическим элементом психологического анализа. Внешность персонажа дается не только «объективно», но и через восприятие других героев, что позволяет одновременно раскрывать внутренний мир и того, кто смотрит. Более того, портретные детали (нервная струйка, пробегающая по лицу Веры, колени Тараса, как у кузнечика, непослушные усы Мирона, тонкие ноздри Дары и т. д.) становятся устойчивыми знаками внутреннего состояния персонажа, своего рода «психологическими лейтмотивами», сопровождающими героя на протяжении всего повествования.

Существенную роль в поэтике Винниченко играет психологизация жеста, который всегда наполнен внутренним смыслом. Так, жест Хомы в сцене в кафе в «На весах жизни», когда после удара Аркадия он «схватился рукой за стол и словно впился в него пальцами» [13, с. 167], говорит о психологическом состоянии первого больше, чем любой пространный внутренний монолог. Или Аркадий, который, получив деньги за свою картину, «небрежно сунул их смятыми в карман штанов, при этом как-то покачивал головой; будто что-то веселое и шутливое напевая про себя» [13, с. 166]. Эти детали — покачивание головой и напевание — точнее любых авторских комментариев передают его отчаянное состояние.

Не менее важную роль в изображении внутренних переживаний героев играет пейзаж, однако, и его Винниченко творчески трансформирует. Так, например, после полного драматизма диалога-поединка Мирона с его сестрой-проституткой Марусей, когда Дара и Тарас вышли на улицу, в изображении природы Винниченко трансформирует традиционный для украинской литературы XIX века параллелизм между состоянием природы и переживаниями героев. Ветер в этой сцене наделяется чертами живого существа: он «поджидал», «соскучился», «накинулся», «как верный пес», «рассердился», «налетел» и «толкнул» [15, с. 38–39]. Эта стихия, наделенная субъектностью, но при этом ощущаемая как иррациональная, подчеркивает внутреннее напряжение, которое герои только что пережили, что как раз и составляет проявление параллелизма, однако в его усложненной, модернизированной форме. Пейзаж в романах Винниченко становится активным участником действия, акцентируя психологическое состояние героев, но не являясь при этом его прямым отражением. Тем самым он обнажает глубинные, подчас неосознаваемые ясно самими героями переживания: экзистенциальную тревогу, нравственные сомнения, конфликт между инстинктом и разумом.

Выводы

Художественная форма романов «Честность с собой», «На весах жизни» и «Заветы отцов» отличается рядом устойчивых черт, сформировавших индивидуальный авторский стиль: редукция описательного элемента и возрастание роли диалогов-поединков, композиционная и стилевая контрастность, принцип театрализации,

психологически насыщенная деталь (особенно портретная и жестовая), а также открытые финалы, маркированные мотивом отъезда. Эти произведения представляют собой целостный этап формирования Винниченко-романиста. Объединенные общей проблематикой поисков «новой морали» и «нового человека», они демонстрируют последовательную эволюцию автора от идейного манифеста к более сложным структурам. Именно здесь закладываются основы экспериментального метода писателя, формируется типология героев, разрабатывается система приемов психологического анализа и определяются доминантные черты поэтики. Несмотря на то, что в первых романах идея подчас доминирует над художественностью, они стали необходимой творческой лабораторией, подготовившей появление вершинных романов Винниченко второй половины 1910 гг.

Список литературы

Исследования

1 *Байдалова Е.В.* Владимир Кириллович Винниченко. Биография политика и писателя на фоне эпохи // Славяноведение. 2020. № 5. С. 89–97.

2 *Байдалова Е.*В. Творчество В.К. Винниченко и его этико-философская концепция «переустройства» мира // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 106–121.

3 *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 506 с.

4 *Костельник Г.* Ламання душ. Львів: Добра книжка, 1923. 95 с.

5 *Миронець Н.* «Історія наша се боротьба за існування…» (Листування Є.Х. Чикаленка з В.К. Винниченком, травень-грудень 1908 р.) // Пам'ять століть. 2001. № 6. С. 3–33.

6 *Панченко В.* Будинок з химерами. Творчість Володимира Винниченка 1900–1920 рр. у європейському літературному контексті. Кіровоград: Народне слово, 1998. 272 с.

7 *Панченко В.* В. Винниченко і Ф. Достоєвський // Винниченкознавчи зощити. 2011. Вип. 4. С. 22–46.

8 *Пастух Б.* Ранні романи Володимира Винниченка. Львів: ПАІС, 2009. 159 с.

9 *Полуян С.В.* Винниченко. Третя книжка оповіданнів. Київ. 1910 // Українська хата. 1910. № 11. С. 76–77.

10 *Романов Ю.А.* Творчество Достоевского в трудах украинских литературоведов // Достоевский. Материалы и исследования: в 24 т. СПб.: Нестор-История, 2013. Т. 20. С. 265–285.

11 *Франко І.* Новини нашої літератури: Володимир Винниченко. Краса і Сила // Історія української та літературної критики літературознавства. Хрестоматія: у 3 кн. Київ: Либідь, 1998. Кн. 2: Навчальний посібник. Упор. П.М. Федченко. С. 145–147.

12 *Шупта-В'язовська О.Г.* До питання про мистецьке експериментаторство Володимира Винниченка // Учені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. 2011. Т. 24 (63), № 1. Ч. 2. С. 339–343.

Источники

13 *Винниченко В.* Твори: в 15 т. Видання друге. Київ; Відень: Видавніцтво Дзвін, 1919. Т. 6: Рівновага (Роман з життя емігрантів). 274 с.

14 *Винниченко В.* Твори: в 23 т. Харків: Рух, 1928. Т. XXII: Заповіт батьків. 202 с.
15 *Винниченко В.* Честность с собой. Записки курносого Мефистофеля. М.: Худож. лит., 1991. 464 с.

***

© 2026. Ekaterina V. Baydalova
Moscow, Russia

"EXPERIMENTAL LABORATORY": THE POETICS OF V.K. VINNICHENKO'S EARLY NOVELS ("HONESTY WITH ONESELF", "ON THE SCALES OF LIFE", "THE TESTAMENTS OF THE FATHERS")

Abstract: The paper explores the poetics of the early novels of Vladimir Vinnichenko (1880–1951) "Honesty with oneself", "On the Scales of Life", "The Testaments of the Fathers", considered as an integral stage in the formation of a novelist. The relevance of the work is due to the need of filling a gap in Russian literary criticism, where Vinnichenko's work has not yet been the subject of fundamental research, despite its key role in twentieth-century Ukrainian literature. The paper analyzes the functionality of the novel genre to embody the philosophical and ethical concept of "honesty with oneself", the typology of heroes (heroes-ideologists, revolutionaries, heroes-neurotics, "new woman"), as well as the main features of the artistic originality of these works. Special attention is paid to Vinnichenko's innovative psychologism, synthesizing the traditions of Russian, European and Ukrainian prose with the discoveries of contemporary psychoanalysis. The study identifies key techniques: dueling dialogues, the use of inappropriate direct speech, psychologization, theatricalization, and open finals. The author concludes that the first novels, for all their controversial character laid the foundation for Vinnichenko's experimental method, shaped his individual style, and prepared the appearance of the writer's landmark works of the second half of the 1910s, such as the novels "I Want!" and "The Notes of the Snub-Nosed Mephistopheles".

Keywords: Vladimir Vinnichenko, Ukrainian literature, early novels, poetics, psychology, hero-ideologist, "honesty with oneself", "new woman", artistic experiment

Information about the author: Ekaterina V. Baydalova — Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32A, 119334 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6263-8358
E-mail: e.baydalova@inslav.ru

Received: April 2, 2026
Approved after reviewing: May 12, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Baydalova, E.V. "'Experimental Laboratory': The Poetics of V.K. Vinnichenko's Early Novels ('Honesty with Oneself', 'On the Scales of Life', 'The Testaments of the Fathers')." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 178–192. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-178-192

References

1 Baidalova, E.V. “Vladimir Kirillovich Vinnichenko. Biografiia politika i pisatelia na fone epokhi” [“Vladimir Kirillovich Vinnichenko. Biography of a Politician and Writer against the Backdrop of an Era”]. *Slavianovedenie*, no. 5, 2020, pp. 89–97. (In Russ.)

2 Baidalova, E.V. “Tvorchestvo V.K. Vinnichenko i ego etiko-filosofskaia kontseptsiia ‘pereustroistva’ mira” [“V.K. Vinnichenko’s Creativity and his Ethical and Philosophical Concept of ‘Reorganization’ of the World”]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 106–121. (In Russ.)

3 Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniia raznykh let* [*Issues of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years*]. Moscow, Khudozhestvennaia Literature Publ., 1975. 506 p. (In Russ.)

4 Kostelnik, G. *Lamannia dush*. Lviv, Dobra Knizhka Publ., 1923. 95 p. (In Ukranian)

5 Mironets, N. “‘Istoriia nasha se borotba za isnuvannia…’ (Listuvannia Є.Kh. Chikalenka z V.K. Vinnichenkom, traven-gruden 1908 r.)”. *Pam’iat stolit*, no. 6, 2001, pp. 3–33. (In Ukrainian)

6 Panchenko, V. *Budinok z khimerami. Tvorchist Volodimira Vinnichenka 1900–1920 rr. u єvropeiskomu literaturnomu konteksti.* Kirovograd, Narodne Slovo Publ., 1998. 272 p. (In Ukrainian)

7 Panchenko, V. “V. Vinnichenko i F. Dostoєvskii.” *Vinnichenkoznavchi zoshchiti*, vol. 4, 2011, pp. 22–46. (In Ukrainian)

8 Pastukh, B. *Ranni romani Volodimira Vinnichenka*. Lviv, PAIS Publ., 2009. 159 p. (In Ukrainian)

9 Poluian, S.V. “Vinnichenko. Tretia knizhka opovidanniv. Kiïv.” *Ukraïnska khata*, no. 11, 1910, pp. 76–77. (In Ukrainian)

10 Romanov, Iu.A. “Tvorchestvo Dostoevskogo v trudakh ukrainskikh literaturovedov” [“Dostoevsky's Work in the Works of Ukrainian Literary Critics”]. Dostoevskii. Materialy i issledovaniia: v 24 t. [*Dostoevsky. Materials and research*: v 24 vols.], vol. 20. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2013, pp. 265–285. (In Russ.)

11 Franko, I. “Novini nashoï literaturi: Volodimir Vinnichenko. Krasa i Sila.” *Istoriia ukraïnskoï ta literaturnoï kritiki literaturoznavstva. Khrestomatiia:* u 3 kn., kn. 2: Navchalnii posibnik, comp. by P.M. Fedchenko. Kiev, Libid Publ., 1998, pp. 145–147. (In Ukrainian)

12 Shupta-V’iazovska, O.G. “Do pitannia pro mistetske eksperimentatorstvo Volodimira Vinnichenka.” *Ucheni zapiski Tavriiskogo natsionalnogo universitetu im. V.I. Vernadskogo.* Seriia: Filologiia. Sotsialni komunikatsiï, vol. 24 (63), no. 1, part 2, 2011, pp. 339–343. (In Ukrainian)